

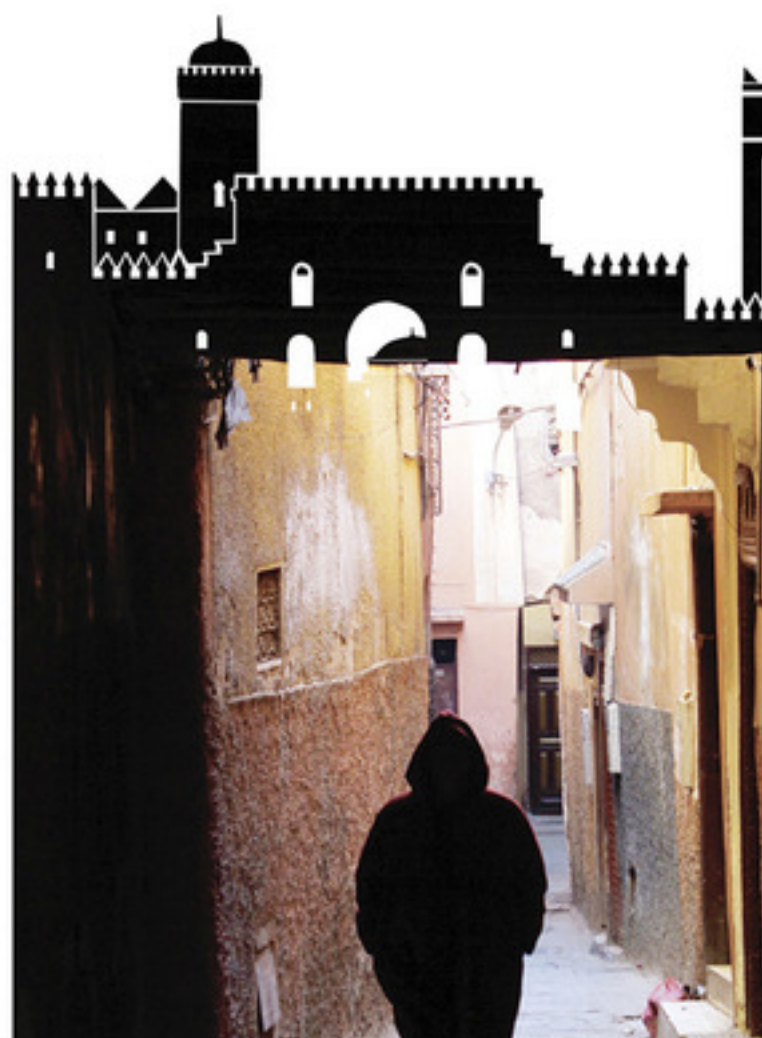
ФЕС

У врат марокканского лабиринта

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ
НА ЗАПАДЕ,
ЧТОБЫ НАЙТИ
НА ВОСТОКЕ

Глеб Юрьевич Шульпяков
Фес. У врат марокканского лабиринта
Серия «Восточная трилогия», книга 3

предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4976769

*Глеб Шульпяков «Фес. У врат марокканского лабиринта», серия «Восточная трилогия Глеба Шульпякова»: Время; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85281-9*

Аннотация

Глеб Шульпяков – поэт, прозаик. Родился в Москве в 1971 году, окончил факультет журналистики МГУ (1993). Автор книг стихотворений «Щелчок» (2001) и «Жёлудь» (2008), а также сборников литературных и путевых очерков. Лауреат поощрительной премии «Триумф» в области поэзии. «Фес» – новый роман писателя. По схожести мотивов эта вещь, будучи самостоятельной, замыкает первые романы Шульпякова «Книга Синана» (2005) и «Цунами» (2008), образуя с ними подобие трилогии. Имитируя психологический триллер, а затем и травелог, «Фес» последовательно разрушает выбранные жанровые рамки и превращается в художественное исследование представителя первого свободного поколения России на фоне своего времени. Роман «Фес» – это попытка описать внутренний и внешний мир героя через путешествие по лабиринту, который рано или поздно предстоит пройти каждому человеку.

Содержание

От автора	4
I. Исчезновение	6
II. Испытание	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глеб Юрьевич Шульпяков

Фес

У врат марокканского лабиринта

От автора

Эта книга была написана в гостиницах, поэтому автор хотел бы с благодарностью перечислить те места, в которых она медленно появлялась на свет: Вьентьян – Луангпрабан – Бангкок – Венеция – Пномпень – Сиамреп – Сиануквиль – Вильнюс – Баку – Барнаул – Санкт-Петербург – Рим – Харьков – Батуми – Казань – Свияжск – Ташкент – Северодвинск – Кий-остров – Архангельск – Анапа – Тамань – Мадрид – Сан-Себастьян – Биарриц – Тула – Пенза – Орел – Спасское-Лутовиново – Тегеран – Исфахан – Йезд – Дмитров – Ржев – Коломна – Старица – Калуга – Дели – Нагар – Дхармасала – Стамбул – Тбилиси – Григолетти – Ульяновск – Старая Русса – Боровичи – София.

* * *

Приблизительно около этого времени сильный ветер кармы будет толкать тебя сзади, вызывая страх. Не бойся его, это порождаемая тобой же иллюзия. Увлекаемый этим ветром, ты будешь двигаться то в одну, то в другую сторону, и твоему не имеющему опоры уму, подобному перышку, дыхание этого ветра будет служить конем.

Тибетская книга мертвых

Из протокола осмотра места происшествия

Осмотр производился при естественном освещении. Температура воздуха +27 °С. Место происшествия находится в одной из комнат трехкомнатной квартиры. Помещение площадью около 30 кв. м. Квартира на текущий момент нежилая, в состоянии ремонта. Расположена на пятом (последнем) этаже дома старой постройки.

Окна комнаты выходят на балкон. Балкон не застеклен, ограждение – решетка. Балконная дверь не заперта, следов повреждения замка не обнаружено. Балкон общий с соседским, отгорожен решеткой и деревянными шкафами, предположительно голубятнями. Квартира соседей находится на той же лестничной клетке, что и вышеупомянутая квартира. Жильцов в соседней квартире на момент составления протокола не выявлено.

Входная дверь в квартиру не заперта, следов взлома не обнаружено. На месте происшествия имеются пятна красно-бурого цвета, два пятна диаметром по 3 см и одно – 5 см, предположительно – это кровь

потерпевшего. При осмотре окружающей территории в непосредственной близости от места происшествия найдены:

- на расстоянии 2 м к северо-востоку обрезок металлической трубы;
- с западной стороны в 1,5 м мобильный телефон;
- на балконе скомканные платежные чеки;
- в ванной комнате два окурка от сигарет длиной 1,5 и 2 см.

В ходе следственных действий удалось установить, что название кофе на одном из чеков совпадает с названием кафе, расположенного под окнами квартиры. Время, указанное в счете, – 22.49. Дата предшествует дню составления протокола.

В соседней комнате обнаружена пустая бутылка емкостью 0,7 л, изготовленная из прозрачного зеленого пластика. При осмотре бутылки в косо падающем свете обнаружено два слабо видимых следа пальцев рук. После обработки в левом следе отобразилась центральная часть завиткового папиллярного узора. Во втором следе отобразилась правая часть центральной зоны петлевого узора с дельтой. Ножки петель направлены влево. Первичное заключение врача-криминалиста о причине наступления смерти прилагается. Протокол прочитан вслух следователем. Замечания на действия следователя и правильность составления протокола от понятых не поступили.

I. Исчезновение

Моя жена должна была вот-вот родить. Срок приходился на сентябрь, шла последняя неделя лета, но жена выглядела безмятежной, словно под комбинезоном не живот, а подушка, которую нужно таскать, как епитимью. Врач, лысый француз из европейского Центра, на приемах тоже откровенно скучал. «Хорошо, хорошо, очень-очень хорошо...» – пел на мотив из популярной оперы. Курсы для беременных ее не заинтересовали. Усаживаясь в машину, она пожимала плечами, и я понимал, что больше мы сюда не приедем, что все подчиняется той силе, мешать которой глупо, и что жена эту силу ощущает, а я нет. Француз утверждал, что впереди две недели, спешить некуда. Врачи из клиники, наоборот, решили уложить ее как можно раньше, чтобы не рисковать и заработать. Так я остался один.

Я остался один и полностью погрузился в себя и свои мысли. Мне все меньше верилось, что несколько лет мы прожили вместе и у нас будет ребенок. В душе словно открылись двери, долго стоявшие на замке, и сумрачное, обволакивающее нечто хлынуло из темноты, затапливая и заполняя все во мне.

Внешне жизнь шла по-старому. Утром в издательстве я смотрел вместе с художником обложки и верстку, которые мы утверждали и отправляли авторам или корректору, а потом тащились по пробкам к заказчику. Обычно, если переговоры проходили удачно, втроем – я, жена и художник – шли вечером в ресторан, поскольку получить заказ означало, что в издательстве будет работа, а в семейном бюджете деньги. И вот рука, машинально набиравшая номер, сбрасывала звонок. Ближе к дому ноги не слушались, я шел все медленней, словно боялся спугнуть кого-то, но кого? За год на новом месте мы даже с соседями не познакомились. Да и сама квартира выглядела теперь необитаемой, чужой какой-то. Ни восточные ковры, ни новая мебель, которую мы так тщательно выбирали, больше не радовали. С изумлением Робинзона разглядывая детские коробки, перебирая в шкафу юбки и платья жены, я не мог представить, кто носит эту одежду и для кого эти вещи куплены.

Я открывал компьютер и просматривал почту. Договоры, эскизы. И снова возвращался к музыке. *Ash Ra* – эта подзабытая группа подвернулась мне в Интернете, а художник посоветовал лавку, где продавали всю коллекцию. Там, под лестницей «Пушкинского», я и скупил то, что у них имелось. Унылые гитарные пассажи и сонное бормотание вокалиста, эта музыка идеально выражала мою меланхолию и тревогу. Или мне просто хотелось заглушить гул? Этот ровный и тусклый гул звучал в голове неотвязно, как вода, которую забыли выключить; на фоне гула даже голос моей жены казался нездешним. «Да, все хорошо, – долетало с того конца. – Нет, ничего не надо. Да, целую».

Она была безмятежна, а я чувствовал неясную и потому еще большую тревогу. Мне хотелось кричать, звать на помощь – а на том конце бубнил телевизор и шутили медсестры. Но когда жена вешала трубку, что-то недоговоренное оставалось в паузах между гудками, и эта пустота, эта тревога не отпускали меня, когда я запирали двери и выходил в удушливый летний вечер.

Улица погружается в сумерки. Неспешные и вместе с тем взвинченные, такие вечера наступают в Москве, когда лето на исходе и нужно поскорее догуливать август. В это время машины идут медленным плотным потоком. В раскаленном воздухе дwoятся и напoлзают друг на друга огни. От бульвара еще сигналият, нетерпеливо и часто, но внизу перед площадью мостовая уже очистилась, поток набирает скорость. Отражаясь в лакированных капотах, и багажниках, и тонированных окнах, по машинам, как видения, плывут и Старый университет, и концертный зал, и театры, и рестораны. Особенно шумно бывает на нашей улице

около семи вечера, когда у входа в кафе толпятся курильщики, а напротив высаживаются из автобусов туристы. Они спешат на концерт и смешиваются с теми, кто просто идет с работы или толкается в поисках лишнего билетика. В это же время в храме заканчивается служба, и прихожане тихо расходятся кто на бульвар, кто к метро. И те, и эти похожи между собой, как карты из одной колоды, словно их вынули и раздали из общей пачки.

Я всегда считал август особенным месяцем. Именно в конце августа, казалось мне, в жизни людей и города происходит нечто грандиозное, исчезает одна сцена и открывается новая декорация, еще более красочная и непостижимая. Приходит время, чтобы занять место в партере и не пропустить шоу. И вот ты не успеваешь, ты опаздываешь. Теперь он прозрачен, твой тоннель, ни шум толпы, ни колокола, ни консерваторские гаммы не могут уничтожить его стен. Что бы ни происходило, мир остается снаружи, а ты идешь по тоннелю дальше.

Спортивный клуб, куда я почти каждый вечер прятался от собственных мыслей, построили несколько лет назад во дворе Старого университета. Пирамида с круглыми окнами стояла как раз на месте сквера, куда мы студентами сбегали пить пиво, то есть я, в сущности, плавал на месте собственной юности, и это, если вдуматься, было грустное совпадение.

Клуб пустовал, никто не отражался в зеркалах, не брызгался под душем и не болтал в шезлонгах по телефону. Вода в бассейне застыла, как стекло, и глядя на ярко-желтые ласты, на доски и полотенца, брошенные на бортике, я представлял себе, что мир пуст, а люди, которые в нем жили, исчезли.

Сауна потрескивала от жара, я ложился на верхнюю полку и складывал на груди руки. Когда сердце начинало стучать в горле, выходил в душ под ледяную воду. И холодный душ, и тщательное бритье, и упрямое, до обморока, лежание в сауне – все это наполняло время мелкими заботами, которые не давали думать о том, что ждет впереди. Зачем? Если все и так неплохо складывается?

Очки для плавания висели на крючке. Эй! – озирался я. – Кто здесь? Но раздевалка была пуста. Я выходил в кафе. Садился на диван и смотрел телевизор. Это был репортаж с похорон знаменитого балетмейстера. С театральной дрожью в голосе глава государства выражал соболезнования, ласково поглаживая столешницу миниатюрной ладонью, наверняка холодной и влажной.

– Ваши? – Это была уборщица. Очки напоминали черный иероглиф. В городе наступала ночь.

В городе наступила ночь, отраженные в стеклах автомобилей уличные огни затапливали улицу искусственным светом, который, словно пленка, покрывал желтым загаром и возбужденные лица людей, занимающих места в кафе за столиками, и колонны на фасаде театра, и пузатые, похожие на самовар, купола храма, и стоящий под деревьями памятник. Те, кто успел занять места на открытой террасе, уже пили вино, а остальных посетителей ставили в «лист ожидания» и рассаживали внутри. И вот ты садишься, незаметно осматриваешься. Вскоре ты убеждаешь себя, что все эти люди опутаны гигантской паутиной, что они попали в сеть. То, как нарочито громко они разговаривают, как артистично пользуются приборами – насколько вообще театральны их слова и жесты, – передает возбуждение обреченных и совершенно безвольных в этой обреченности, покорных людей. Откуда вообще взялись эти дамы в шляпах, спрашивал я себя? Девушки с бронзовыми от загара ляжками? Юноши в рубашках «Pink» и наголо бритые джентльмены в льняных майках? Кто они? Чем занимаются? Почему на этой террасе все они выглядят одинаково? И нет никакой разницы между депутатом и парикмахером, светской дамой и проституткой.

В сумраке у памятника произошло едва заметное движение, неуловимое колебание мглы. Сгустилась тень, потом другая – и от постамента, который выглядел пустым, отслоилась парочка. Девушка шептала что-то художнику (я узнал его). Они сели на другом конце террасы, и тот сразу достал блокнот, нарисовал что-то. Девушка поправила маечку и одними губами прочитала записку. Улыбнувшись, она кивнула и выставила локти.

На локтях были ссадины, и мне почемуто захотелось оскорбить эту девушку. Унизить, даже заставить плакать. Сделать так, чтобы пухлые губы скривились от боли. Наверное, я просто завидовал художнику, ревновал к свободе, которой у меня уже не было. Что я вообще знал о нем? Почти ничего. Он приехал поступать из Средней Азии, никого из родных и близких рядом с ним не было. В середине девяностых, когда мы выпускали книги по искусству, он сделал нам первую серию – брошюры, в европейском стиле обложки. Потом, когда мы перешли на коммерческие издания, он снова пригодился. Добавив к названию английское *publishers*, мы забросили искусство и взялись за корпоративные альбомы и годовые отчеты, не брезговали визитками. Художник легко приспособился к новым условиям, я же вспоминал с грустью о наших читателях, как быстро они стерли из памяти *то* время – как будто ничего, кроме календарей, мы не делали. А спустя пару лет жена уговорила взять художника в штат. В то время конторы, вроде нашей, плодились, как грибы, художников переманивали, а он даже по-человечески нас устраивал. В детстве я обжег связки и разговаривал мало и тихо. Мою природную застенчивость и негромкий голос многие принимали за высокомерие, а меня держали за сноба. Художник вел себя открыто, даже бесцеремонно. Ему удавалось быть деловым и наивным, обаятельным и бестактным. Клиентам, особенно женщинам, такие типы нравились. Вскоре я стал брать его с собой на переговоры, а спустя год, по совету жены, предложил ему должность директора. Сами мы оформились учредителями.

– Один «Эстерхази», прошу, котик! Судя по голосу, девушка капризничала.

– Но мы же договорились... – Баритон.

– Если вставать поздно, то можно...

Я очнулся от собственных мыслей и посмотрел через плечо. Пара холеных стариков заказывала десерты, к телефону в клинике не подходили.

– Какой он писатель?

Это уставшим голосом говорил небритый молодой человек в очках.

– Сплошные авторские находки.

На обложке журнала, о котором они говорили, едва помещалась оплывшая физиономия. Девушка, красивая полуазиатка, пожимала плечами:

– Триста пятый, он дорогой?

– Если бизнес-плюс, то да. Но брать нужно в любом случае.

Этот дом с орнаментом и решетками мне давно нравился. Мы чуть не купили здесь квартиру, даже внесли залог, но в решающий момент сделка сорвалась, кому-то квартира оказалась нужнее – и мы поселились в соседнем доме. А недавно на «нашем» балконе кто-то соорудил голубятню. Разрисованные подсолнухами, они напоминали шкафчики в пионерском лагере и стояли вдоль стены между окнами. Сами окна, узкие и ячеистые, открытыми я никогда не видел, даже шторы ни разу не раздвигались. Кто жил за этими окнами? Мне представлялась пожилая пара «с судьбой». Он – знаменитый советский карикатурист или поэт-песенник. Звезда оперетты, кумир 60-х – она. Не торгуясь, выкупили его родовое гнездо. Или ее, неважно. Живут одни, воспитывают внука. Почему-то родителей этого несчастного внука я сразу похоронил в автокатастрофе. Снова и снова оглядывая террасу, я хотел верить, что эти люди сидят рядом.

Заказывают десерты или кофе – как эти старики, например – или молчат, поскольку все уже сказано.

Я перевел взгляд на художника. Он улыбался тому, что рассказывала «маечка», а сам показывал глазами на мой телефон (это была его черта, играть две роли). «Номер мертвого человека», – написал он в сообщении.

На следующий день после того, как жену забрали в клинику, к нам в агентство позвонили.

– С вами говорит младший следователь... – Далее шла нелепая гоголевская фамилия. – Мы хотели задать несколько вопросов господину...

В трубке зашелестели бумагами. Я поднял глаза на секретаря.

– Еще раз, откуда? Она сделала страшное лицо и помотала головой.

Откашлявшись, на том конце представились полностью, сделав ударение на последнем слове: «...по борьбе с экономическими *преступлениями*».

– Нас интересуют счета... – Он начал перечислять реквизиты. – Сегодня можете подъехать?

Я отказался, сославшись на семейные обстоятельства. А внутри все похолодело.

– Жена рожает... На том конце согласились:

– Завтра в девять мы у вас – нормально?

Несколько минут я сидел без движения, сжимая мокрую от пота трубку. Потом повернулся в кресле. Пять пар глаз смотрели из-за мониторов, но что я мог им сказать? С этого момента наша судьба висела на волоске, и людям, которые только что позвонили, ничего не стоило перерезать его.

Следователем оказалась полная девица, она села без приглашения, поправив короткими пальцами аккуратный пучок на затылке. Чай, который принесла секретарь, отодвинула, сразу выложила файлы и папки. Уверенная, хамоватая.

Маленькие очки на носу, как у школьницы.

«*Пышка*, и на такой должности...»

Я с тоской оглядывал одутловатое лицо.

«Кому она мстит? Кому и что доказывает?»

Наверное, в жизни, в самом ее составе, что-то переменялось, а я со своими книгами и не заметил.

Следователь говорила без остановки, быстро пережевывая каждое слово. Я кивал, обещал поднять бумаги, отчеты, указать имена и фамилии. А сам пытался сообразить, где произошла ошибка. В прошлом году мы действительно провели через эту фирму крупную сумму – больше, чем положено мелким рыбешкам. И они сразу сделали стойку, когда накрыли всю схему.

– Нам нужен человек – с кем вы работали. Телефон, имя. *Пока* у вас есть время.

– Разумеется. «Но как давать взятку?» Я снова оглядывал следователя. «Сколько? Не этой же...»

Прошло минут десять, в кафе по-прежнему гудела публика – возбужденно, празднично. Хотя какой сегодня праздник? Декорация прежняя, просто в дыры на холсте смотрят новые лица.

– Ну как она?

Раздался хрустящий звук плетеного стула.

– Без изменений, ждем.

Столик, где сидел художник, сразу оккупировала новая пара.

– Мне тут... – Художник скинул звонок. – В общем, нам нужен телефон мертвого человека.

Он обвел рукой террасу, и несколько голов тут же повернулись в нашу сторону.

– Никто ведь не знает, чем на самом деле занимаются эти люди?

Действительно, договоры в таких конторах составлялись от фиктивного имени, часто по ворованным документам. Сама фирма существовала две-три недели, после чего меняла реквизиты или надевала другую вывеску. Реальным оставался только один человек – тот, кто стоит за схемой. Конечно, я знал этого человека, однако выдать его означало подписать приговор себе, и на это они тоже рассчитывали.

– Как только выяснят, что человека нет, все, дальше копать не будут.

В темноте его глаза отливали желтизной, как стекла на витринах.

– Почему?

– Потому что проще взять за жабры новых. Таких, сам знаешь – как семечек. Хоп?

Он часто вставлял азиатские словечки.

– Дай мне подумать. – Я запрокинул голову и посмотрел на балкон. Снова на посетителей, каждый из которых теперь выглядел мишенью.

– Ну, что? – Он нетерпеливо постучал по столику. – Надо что-то делать, товарищ...

На балконе сидели голуби, но окна попрежнему были наглухо зашторены. – Что за девушка была с тобой? – спросил я.

Чеки из магазинов и посадочные талоны, провода зарядных устройств и счета за Интернет, багажные квитанции, наушники, сигареты, открытки и визитки, пустые коробки от дисков и использованные билеты в театр, зубочистки и пепельницы, монеты и велосипедный насос – все это лежало в ящике письменного стола, намертво спутанное и даже залитое чем-то желтым, и свидетельствовало о жизни, которая была безмятежной, пока не распалась и не исчезла. Но где произошла ошибка? И почему именно сегодня? Пусть бы все было случайностью, игрой обстоятельств. Но внутренний голос отказывался верить. Он говорил, что причина во мне и что все случившееся – лишь верхушка айсберга. Это с тобой что-то случилось, а уже потом понеслось к черту. Но что? И почему? Не страх, но ужас переполнял меня. Ужас перед тем неясным, что раньше находилось снаружи, а теперь стало частью меня. Еще вчера предсказуемая и рассчитанная, жизнь распадалась и рушилась под натиском чужой силы. Сколько мы продержимся на взятках, спрашивал я себя. Полгода, год? С офисом и сотрудниками, половину которых придется выбросить на улицу, с долгами за квартиру и клинику, с кредитами, с женой и ребенком – как жить дальше?

Я умывался, чтобы прийти в себя. Ничего, ничего – успокаивал. Обойдется. Когда начинали, и не такое случалось. И снова возвращался к тяжелым, неразрешимым мыслям. Почему раньше мир казался разумным, а теперь, стоило произойти осечке, нас разделяет пропасть? Неужели мир настолько хрупок? И почему время, которое раньше казалось светлой анфиладой, превратилось в темный извилистый коридор?

Я взял с полки большой каталог, купленный на выставке в Вене. Когда-то и я бродил между этих огромных пластин, закрученных или вытянутых, как волны. Обедал после выставки с девушкой литагентом. А вечером познакомился с русской, и теперь она ждала от меня ребенка. Но чем ближе подступало прошлое, тем явственнее было чувство, что с этим прошлым меня ничто не связывает, и я оказался между пластинами испанского художника – только в реальности.

За бульваром продолжается та же улица, но в этой части нет ни кафе, ни музеев, только мерцают сквозь тяжелую листву комоды жилых домов, чьи балконы выдвинуты, как ящики. Ни людей, ни машин. Ничего не стоит перейти улицу на красный. Но девушка, которая стоит на бульваре, все равно ждет зеленый. От нетерпения она переступает с ноги на ногу, отчего кажется, что ноги живут отдельно, настолько они худые и длинные. Наконец зеленый. Осторожно, словно пробуя воду, девушка переходит дорогу и исчезает в тени улицы. Спустя минуту ее силуэт возникает на фоне решетки. Девушка сбавляет шаг и поправляет на плече

бретельку. В скругленных окнах старого дома видно ее плоское отражение. Она разглядывает крыльцо, и колонны, и фонари над входом. Когда она идет дальше, никто, кроме дежурного в будке у посольства, не обращает на девушку внимания. Но и тот, докурив, закрывает за собой дверцу. Тишина, духота. На мостовой тлеет окурок, гаснет. Некоторое время в темноте слышно, как щелкают пляжные шлепанцы, но и этот звук скоро затихает.

О смерти одноклассницы я узнал в социальной сети. Написала девочка, то есть теперь уже дама – они со школы дружили, и девочка знала, что между нами в школе что-то было. Она-то и сообщила мне, что ее нашли в какой-то коматозной гостинице на окраине города, «Турист» или «Спутник». Снотворное и алкоголь в диком количестве, без вариантов. Но случай это или самоубийство, неизвестно. Похороны во вторник, тогда уже наступила пятница. Да и о какой любви могла идти речь? Сидели за одной партой, касались друг друга коленками. Один раз танцевали медленный танец, сгорая от стыда перед сверстниками. Один раз поцеловались в подъезде. А потом она уехала, исчезла из нашего класса. Кажется, стала артисткой, не знаю. Мы встретились несколько лет назад, когда я заказывал мебель. В договоре стояла знакомая фамилия, и я с удивлением понял, что девочка, в которую я был влюблен школьником, теперь хозяйка мебельного салона.

Такие люди часто работали с подставными фирмами, лучшей кандидатуры не найти. Но я медлил. Мне вдруг вспомнилась ее мать, худая высокая женщина в синей юбке. У нее были седые и почему-то всегда распущенные волосы. Эклеры на тарелке, которыми она меня угощала, когда я провожал ее... Несуразно маленькие для ее роста руки. Представил, как она теребит фартук, как дрожат сухие губы – когда приходят *эти*. А портрет еще стоит в траурной рамке.

Картина выглядела отвратительной, но что было делать?

«Давай, соглашайся! Пожалуйста...»

Я принялся упрашивать ее так, словно она сидела в соседней комнате. Рассказал про нашу старенькую корректоршу и дорогие лекарства, на которых та держалась. Что верстальщику надо платить за учебу сына. У всех долги, кредиты, болячки. Не говоря о моем семействе. Но в ответ лишь звенела душная тишина. Ни знака, ни намек, ни звука. Листва, тяжелая, как перед ливнем, шелестела мелкой дрожью... И тогда я просто нажал кнопку. «Ваше сообщение отправлено», – пискнула в ответ трубка.

Первое время, когда жара только пришла в город, я недоумевал, откуда доносится музыка? А потом понял – это посольство устраивает ночные пикники. Двор, где они отдыхали, когда жара спадала, находился буквально через стену. И вот теперь, когда дело было сделано, я сидел на подоконнике и слушал безмятежную однообразную мелодию. Она разбудила во мне забытое чувство из детства, чувство тревоги и восторга. Чужая музыка и сознание чего-то значительного и до слез обыденного... Смешно, правда? Это чувство оберегало меня с той поры, как ушел отец и между мной и миром никого не осталось. Это ощущение было отчетливым, словно вкус молока или хлеба, и говорило о том, что мир и вселенная живы, причем не только деревья, или трава, или люди – но живы дома, улицы, шары на пожарной каланче и даже сточная решетка. Подросток, точно так же сидевший ночами на подоконнике, думал – так будет всегда. А теперь я мечтал вернуть это ощущение.

«Наверное, об этом думает каждый...»

Я спустился с подоконника.

«И художник, и толстый следователь...»

Но как это сделать?

Я совсем было собрался закрыть окно и включить кондиционер, как из подъезда напротив метнулась полоска света. Фигурка показалась мне знакомой, и я невольно спрятался за штору. Тут же выглянул снова. Теперь, освещенную лампой, девушку было хорошо видно, и это была девушка художника.

Как тогда на террасе, я почувствовал укол ревности. Девушка вошла в подъезд и вызвала лифт. На последнем этаже он остановился, по лестнице прокатился звук закрывавшейся двери. Свет в кабинке погас, а спустя минуту захлопнулась дверь квартиры. В тот же момент мое воображение нарисовало и тусклую лампу в коридоре, и двустворчатые двери, и то, как хрустит под ногами выбитая плитка. Я отчетливо видел, как мой палец нажимает кнопку. Слышал, как стучат ее шлепанцы. Вот лязгает замок, и дверь открывается. Я вижу птичий профиль девушки и глаза, этот изумленный оценивающий взгляд. Она покусывает верхнюю губу. Улыбается и смотрит на меня, машинально поправляя на плече бретельку. Отступает назад, позволяя мне войти в коридор.

Я закрыл лицо, но коробки с детскими вещами все равно остались на месте. Вчера я заказывал эти штуки, принимал от курьеров и расписывался в квитанциях. Совал чаевые, словно хотел замять неловкость и откупиться; словно знал, что всего через сутки, пока моя жена в роддоме, я буду думать о девушке, которую вижу впервые.

Пока я размышлял таким образом, дверь во двор снова хлопнула, и девушка, которую я уже не надеялся увидеть, появилась снова. Она переделалась. Кеды, красный рюкзачок, джинсы: теперь это был другой человек, и этот человек быстро удалялся.

Я выключил свет и спустился на улицу. Где она? Силуэт вспыхнул в конце улицы и снова исчез. Я пошел следом. Мимо прудов и дальше в подземный переход. Снова по переулкам. А вот и здание. Она входит в дом, который выглядит необитаемым, с виду это настоящий бетонный бункер. Однако дверь существует; выкрашенная черной краской и потому незаметная, она открывается, если нажать кнопку и произнести нужное слово. Теперь видно, что за спиной у охранника широкая лестница. Низкие потолки делают ее похожей на спуск в подземный переход, но нет – ступеньки выводят в большой и даже высокий зал. Шарообразные лампы освещают кирпичные стены, на одной из которых висят огромные чернобелые фотографии, а на другой мерцает экран. Он висит над сценой, обрамленной большими черными динамиками, а сверху – штангой с прожекторами. Потолок поддерживают узкие колонны, но людей в зале так много, что невозможно разглядеть, где и как эти колонны упираются в землю; отсюда, с лестницы, вообще кажется, что они парят в воздухе.

Люди в зале танцуют молча. Пары неравные, вот пожилой кавалер ведет юную девицу, а рядом дама со студентом или девушка с девушкой. А этот парень вообще один и обнимает невидимую партнершу. Все они теперь замерли. Опустив головы, они так же молча ждут новый танец. В наступившей тишине слышны дыхание и звон посуды за барной стойкой. Наконец вступает музыка, и пары приходят в движение.

Это танго, и огни прожекторов отбивают такт. На стене ритмично вспыхивают тени, пары кружатся. Разворот и поддержка, и снова шаг. Как смешны и трогательны их неуверенные, старательные движения; как серьезны лица, словно они решают сложное уравнение. Как неловко задевают друг друга спинами и локтями, и даже сбиваются с такта, после чего замирают на секунду, чтобы поймать ритм, – и начинают танец снова.

Девушка выскользнула из служебного помещения и села на дальнем конце стойки. Бармен кивнул, поймав ее взгляд, и посмотрел на красный рюкзак. Девушка улыбнулась в ответ и опустила в пиво один за другим несколько кубиков льда, а потом тщательно раздавила лимон. Пригубила. Отодвинула. Достала книгу. Раскрыла.

Я выждал несколько минут и незаметно подсел к ней.

– Привет.

Но она, не отрывая глаз от книги, тянула пиво.

– Эй! – Коснулся.

Девушка вздрогнула, подняла лицо. В серых глазах мелькнул испуг.

– Можно вас?

Она посмотрела на бармена, а потом, словно желая скрыть замешательство, соскользнула с табурета.

Мы смешались с толпой.

– Как тебя зовут?

Но она все так же безучастно смотрела в сторону.

– Ты меня не узнаешь?

Та же реакция. Ее рубашка была надета на голое тело, и я чувствовал, что ее худые лопатки как будто живут своей жизнью. Во время танца я мог спокойно изучить ее лицо. Широкие скулы, острый подбородок. Глаза немного сужены, но когда она откидывала голову, был виден их южный округлый очерк. А через секунду передо мной снова непроницаемый взгляд человека, который готов ускользнуть или напасть.

Музыка кончилась, но пары продолжали движение. Они расклеились, только когда вспыхнул свет. Моя девушка смешалась с толпой у барной стойки. Постояв немного в опустевшем зале, я тоже поднялся по ступенькам – и присвистнул: люди за стойкой общались на языке жестов. Они были глухонемые.

Картина повторяется, как будто пленку отматывают в начало. Дверь хлопает, глухонемая девушка выходит из клуба. Квартал за кварталом, той же дорогой она идет обратно. Но в переулке за прудами она замедляет шаг и достает телефон. Она отправляет сообщение и входит в темную арку жилого дома. Спустя несколько минут дверь в доме напротив, где находится медицинский центр, открывается, и улицу переходит полная женщина. Ее волосы собраны в пучок на затылке. В руке она держит рюкзак, он точно такой же, как у девушки, только тяжелый. Женщина переходит улицу и входит в арку, через которую прошла девушка. Спустя минуту девушка выходит из арки и неспешно удаляется. На спине у нее все тот же красный рюкзак, но по тому, как она ссутулилась и то и дело поправляет лямки, видно, что рюкзак наполнен чемто тяжелым.

...Первую цифру я запомнил по роману одного сумасшедшего аргентинца, который мне когда-то нравился, а дальше шла звездочка и год моего рождения. Вход в подъезд, в котором скрылась девушка, был свободен. Лифт рывками заполз на последний этаж и, дернувшись, замер. Сигнализация не горела – значит, она дома. Осталось только нажать кнопку, но что я ей скажу? Ведь на террасе художник даже не представил нас. Раздумывая таким образом, я прошел в коридор, ведущий с площадки. Под ногами захрустела засохшая грязь, зашестели обертки. Узкие и длинные окна тянулись под потолком и напоминали просмотровые щели. В одном из окон, покрытым слоем пыли, виднелась соседняя лестничная клетка. Я с удивлением узнал наше парадное. Это означало, что переход просто соединял поверху два подъезда и две лестницы. А заканчивался собственной лестничной клеткой, находившейся в промежутке между двумя пролетами. Из неплотно прикрытой двери на этой площадке пахло краской. В квартире обнаружился обычный ремонтный пейзаж: ободранные стены и заляпанная стремянка, куски срезанных радиаторов. Из глубины квартиры доносились звон посуды и голоса, словно в комнатах шло застолье, а к запахам ремонта примешивался кухонный чад. Но никакого застолья не было, коридор вел в пустую комнату с открытой балконной дверью, а голоса и звон посуды доносились с террасы, которая, к моему удивлению, располагалась прямо под окнами квартиры, где я очутился.

II. Испытание

1.

Постепенно боль стихает, уходит в землю. Сколько времени сейчас? Сколько я пролежал здесь? В темноте время стоит на месте. Откроешь глаза, закроешь – только густая, как чернозем, тьма. Только тошнота, которая растворена в ее сырой мертвой тишине. Я облизываю губы, вкус горький. Пальцы липкие от засохшей крови. Сначала на колени, потом выпрямляюсь. Один шаг, другой, третий. Вытянув руку, одолеваю несколько метров и падаю. На ощупь это браслет или кольцо. Потрогать его, как широко оно обхватывает ногу над щиколоткой. А цепь тонкая и скользит между пальцев. Натянуть ее? Несильно дернуть? Услышать справа из темноты металлический шелест? Переползти на звук? И провести рукой по стене?

Это крюк или скоба, а цепь прикреплена к ней. Дернуть слегка, как дергают колокольчик? Рывок, еще раз! Больно впивается в кожу. Отбросить цепь и лечь на спину. Это просто плохой сон и надо заставить себя окончательно проснуться. Или закрыть глаза и попытаться уснуть снова. Тогда, может быть, этот сон закончится и можно вернуться обратно.

2.

Для начала надо все восстановить в памяти. Сделать это легко, прошлое отчетливо, словно я перенесся в него или смотрю запись, снятую на камеру, установленную в комнате, куда случайно попал в тот злосчастный вечер. Собственно, каким-то непостижимым образом я и есть эта камера. Мое я прекрасно видит комнату – она выходит (или выходила) через балкон на знакомую улицу, просто перетекает (или перетекала) и вливается в уличное пространство и занимает (или занимала) его собой. А улица, в свою очередь, растворяется в квартире, присутствуя отблесками фонарей и уличными звуками и запахами; они – комната с улицей – словно смешались, образовав третье измерение, которое не принадлежит ни внешнему, ни внутреннему миру, а только тому, кто на него смотрел и смотрит, и этот кто-то – мое я. Это я видит на соседнем балконе голубятни; от неожиданности знакомого, но впервые увиденного столь близко предмета я цепенеет. В окне за голубятней оно видит стол и даже клеенку с утятами. В щель между шторами пробивается свет от лампы с перламутровым, в разноцветных стекляшках, абажуром. Свет освещает и полку для посуды, и кусок стены, крашенной в зеленый цвет, и воздухопровод, и плетеные подстаканники, почему-то особенно врезавшиеся в память я. Там же, на этой записи, хранились руки, время от времени появлявшиеся между штор. Тонкие женские пальцы держат чашку, и пивная пена падает из чашки на пол. В следующем кадре я видит знакомый красный рюкзак, и тут же стекло звякает, а рама дребезжит и открывается. Из окна музыка. Теперь глухонемая девушка, с которой тот, кому недавно принадлежало я, танцевал танго, находится настолько близко, что ничего не стоит взять ее за руку, как тогда, в клубе, и, например, сжать холодные влажные пальцы. Но я знает, что это невозможно, ведь я может видеть, но не осязать. Вот, подцепив крючок, девушка поднимает створку. Из голубятни тут же вылетает и, подхваченное потоком уличного воздуха, кружится белое перышко. За первым свертком в голубятню отправляется еще несколько таких же целлофановых брикетов. Теперь девушка застегнула знакомый рюкзак, а руки исчезли. Штора вернулась на место, свет в комнате сразу погас. Я осталось одно. В том, что танго и голубятню смонтировала рука, сомнений у я нет и не было, даже номер

мертвого человека и красный рюкзак были и есть звенья одной цепи. Но кто постановщик и в чем логика этих звеньев? Это можно узнать, позвонив художнику, тем более что они могли быть в эту минуту вместе в квартире за стенкой. Я уже как-будто слышало и самый этот звонок – его телефона, эту оглушительную трель за стеной; я уже представляло себе его удивленные глаза, и как он улыбается в трубку, слушает, а потом хлопает себя по ноге и идет к двери; как одновременно он и девушка выходят на лестничную клетку, хохоча над нелепым совпадением. Они, конечно, расскажут я невинную историю, скрытую за всем этим веселым приключением, и они – художник, его девушка и я – спустятся на террасу, чтобы отметить это дело. И я забудет и о ревности, и о всех своих страхах. Да, именно так. Все это я и собираюсь себе представить, но тут его внимание отвлекет запах сигаретного дыма. Слышно шорох, но обернуться? Нет, я не успеваю. Удар настолько сильный, что оно сразу теряет сознание и исчезает из памяти.

3.

Цепь оказалась довольно длинной, и скоро мне удалось определить габариты помещения, где я очутился. Стена с кольцом шла в глубину метров на пять-семь, она была неровная и шершавая и царапала руки соломой или прутьями, торчащими из глины. Другая – тянулась вдвое дальше, ее сложили из крупных пористых камней вроде пемзы, в зазоры между ними проходил палец, настолько большими они были. Сухой раствор напоминал помет и легко крошился. А из второго помещения накатывал теплый воздух. При входе в эту теплую комнату обнаружился кран, торчащий из стены, и я с наслаждением пил воду, которая имела странный привкус известняка и тины.

4.

– Эй! – Я поднял руку.

Снаружи донеслись другие голоса, разговор шел на непонятном языке. Судя по шарканью ног, кто-то что-то втаскивал.

«Селямалейши, селямалейши...»

Это повторяли двое с голыми спинами, подтаскивая брикеты к порогу. Ударяясь об пол, мешки покрывались облаком пыли, и она клубилась в косом уличном свете.

Хлопнув ладонями, бородатый человек сделал жест: «Достаточно». Его голос звучал по-детски тонко. Человек расплатился с рабочими и спрятал огромный кожаный кошель в складках полосатого балахона. Я снова сделал шаг навстречу, но человек исчез из проема раньше, чем я успел открыть рот. Дверь захлопнулась, и в подвале воцарилась темнота.

5.

Что с моей женой? Что с *ними*? От одной мысли внутри вспыхивал ослепительный свет, который разрывал беспомощной яростью, заставляя бросаться на запертую дверь, но та лишь безучастно дребезжала. Я лежал, уткнувшись в стену, и мычал от отчаяния. Засыпал и просыпался, и снова проваливался. Так прошло несколько часов или сутки, не знаю. Когда прямоугольник под потолком потускнел, снаружи снова слышались голоса, теперь их обладатели что-то обсуждали на повышенных тонах. Один голос, тонкий, я уже знал, а второй, хриплый и низкий, слышал впервые.

Дверь распахнулась, и я сощурился от света. Одетые в балахоны, двое мужчин смотрели на меня из-под капюшонов и напоминали недобрых сказочных существ. Второй, тол-

стый, вытащил палку. Я шагнул ему навстречу и тут же упал от боли. Второй удар отбросил меня в угол. Толстый ловко поймал конец плетки и заулыбался. Оба они показали на вторую комнату:

– Иди.

Двух ударов оказалось достаточно, чтобы превратить человека в собаку – я покорно отполз туда, куда мне велели. Под собственной тяжестью крышка, которую они требовали открыть, съехала на пол. В печи гудело и металось желтое пламя.

6.

То, что мне удавалось увидеть в дверном проеме, напоминало печальные видения – подобное человек видит во сне или полудреме. По этим картинам – например, по тому, есть ли тень от солнца на стене, – я научился определять время суток. Сырые полосы на глине говорили о том, что прошел дождь, а в ясные дни розовая поверхность искрилась.

Первый «тюремщик» приходил примерно три раза в неделю. Он привязывал черного ослика, груженного брикетами, и сам сбрасывал их. А потом садился на ступени и, наблюдая, как я работаю, ел. Косточки от фиников я подбирал и обглаживал, когда он уходил из подвала. А второй, «толстый», появлялся, если топливо заканчивалось раньше и пламя ослабевало. Неодобрительно бормоча, он сбрасывал несколько дополнительных брикетов и вынимал плетку. Когда ему удавалось ударить меня особенно сильно, его живот округлялся от смеха, и ткань одежды вываливалась из жировых складок. Это было его развлечение, бить меня. Первое время, чтобы увернуться от плетки, я забивался в дальний угол, но «толстый» все равно доставал меня. Однако вскоре мне удалось вычислить безопасное место, оно находилось у порога перед самым носом моего мучителя. Здесь «толстый» не мог поразить меня самым страшным местом плетки, жалящим кончиком. А сойти вниз и первый, и второй боялись.

Сколько раз я ползал перед ними, называл номера телефонов, суммы... Хрипел, пытался схватить за одежду. Но в ответ «толстый» добродушно тыкал в меня плеткой и кивал на печь: «Работай». И постепенно моя прежняя жизнь отодвинулась в дальний угол сознания. Все, что связывало с недавним прошлым, стало расплывчатым и безвкусным. Теперь в том, что со мной случилось, мне мерещился некий фатум, даже высший замысел, спорить с которым бесполезно, поскольку он свершается по чужой и нечеловеческой воле. Я мог почувствовать эту волю, но объяснить или изменить ее? К тому же голод – он вытеснял привязанности быстрее, чем само время, его тупое, изнуряющее присутствие направляло мысли только в одну сторону, когда придет «балахон» или «толстый», что мне бросят, кости или лепешку, и какую часть и сколько. Голод был сильнее любви и ненависти, образа жизни, привязанностей и страхов, вскоре он превратился в привычку и стал моей частью. Если прошлое и всплывало в моем сознании, то это были картины семейных ужинов, тогда мне мерещились недоеденные куски мяса и печеная картошка, яблочная кожура и хлебные крошки – и я, то и дело сглатывая слюну, часами подсчитывал, на сколько этого хватило бы мне. Иногда, чтобы подразнить меня, «балахон» ужинал на ступеньках. Ел он почему-то поздно, в сумерках, и, как правило, руками – просто ставил на колени блюдо, а рядом – чайник и принимался за еду. От запахов у меня дрожали руки, я задыхался. Как человек подносит ко рту кость, как выгрызает из нее мясо? Как берет горсть риса и слизывает жир на губах? Вид набивающего брюхо человека действовал подобно гипнозу. У меня не возникало желания убить его и отнять пищу, я просто не мог оторвать от нее взгляда.

Он уходил, а мне оставались корки и крошки, которые я собирал под тем местом, где он сидел. Чтобы обмануть голод, я размачивал хлеб во рту. Когда слюна приобретала мучной вкус, сглатывал, а мякоть держал за щекой, чтобы она превратилась в кашу, и часами лежал с

мякишем за щекой. Если сна не было, перебирал в памяти то, что еще осталось не размытым. Думал о доме, но без отчаяния, с каким-то печальным равнодушием. Да и кто видел меня в последний вечер? Свидетелей, кроме девушки, не было, если, конечно, художник расскажет обо мне, и тот, с кем она танцевала, совпадет с тем, о ком речь. Но этот вариант представлялся мне самым невероятным.

Постепенно жизнь в подвале вошла в привычку, и мысль о том, чтобы изменить что-то, все реже посещала меня. Зачем? Любое изменение только пугало меня. Через равные промежутки времени в подвал долетали звуки протяжных призывов, похожим образом зывали в мечетях, когда мы с женой первый раз выехали на азиатское море, но мысль о том, что я нахожусь в другой части света за тысячи километров от дома, нисколько не пугала меня, ведь подвал вокруг меня оставался одним и тем же, так какая разница? Глядя в черный потолок, я рисовал наше далекое лето, пляж, моторную лодку и название этой лодки – «High and blue tomo-gow». Как мы шли по заливу в открытое море и я задышался от трепета и торжества, и свободы, которая долго еще с этими чувствами будет связана. Как после купания любили друг друга на дне лодки, и как жена, лежа на спине, улыбалась чужой улыбкой, словно на небе, куда она смотрела, открывались картины, которые мне недоступны.

7.

Время в том мире, где я очутился, определялось по тому, как светлеет или исчезает в тени контур под потолком, или по призывам на молитву, поскольку ночной звучал дольше и печальнее, а дневной коротко. И по визитам надсмотрщика. Но что теперь означало время? Оставались его следы, наглядные свидетельства – например, как отросла борода и ногти или насколько холоднее стало спать ночами. Но предсказать время или угадать его? Ни наступления утра, ни паузы между молитвами рассчитать не удавалось. Мне по-прежнему не составляло труда складывать дни в недели – или вычитать. Но уловить само течение, поток? То, что складывалось и вычиталось, не существовало, а превратилось в одну растянутую секунду. Темную или сумеречную, холодную или жаркую, заполненную чувством голода или отчаяния, тоски или меланхолии, размером с комнату, где я сидел, – или бескрайнюю, как сны, которые мне снились. Зато с удвоенной ясностью в памяти воскресло то, что я считал навсегда потерянным. Давнее прошлое выскакивало в виде отчетливых, пугающе резких картинок. Вот детская лопатка с желтым пластиковым штыком – из моей песочницы, видна даже свежая трещина. Вот кожаная этикетка с индейцем в коконе из перьев – джинсы с этикеткой носила одноклассница, в которую я был влюблен в школе. Затопив печь, я засовывал за щеку хлебный мякиш – и закрывал глаза. Теперь в моем распоряжении имелась настоящая коллекция, это был пантеон случайных вещей, паноптикум воспоминаний, которые я мог тасовать, сколько заблагорассудится. Тут были крашенные заборные доски, из них мы соорудили плот, прилавок ларька и перламутровые пуговицы на хлястике пальто человека, стоявшего впереди в очереди, и само бесконечное ожидание в этой очереди – неизвестно чего. Блеклая фотография блондинки на приборной доске автобуса – меня возили этим автобусом в детский садик на пятидневку. А вот ворона с перебитым крылом, обитавшая одно время за верандой в садике, и кусок хлеба, которым я подкармливал ее. Часто мне казалось, что передо мной фрагменты чужой жизни, которые почему-то всплывают в моем сознании – словно фильмы перепутали, и в коробку с одним названием положили другое кино. Только люди – те, кто жил в этих фильмах, – оставались неразличимыми. Чтобы увидеть лицо, я делал масштаб подробным, даже слышал голос, но стоило перевести взгляд на источник этого голоса, как изображение гасло. И все же одну картину мне удалось разобрать, это была старая фотография, студенческая. Молодые люди сгрудились в кузове грузовика; судя по хлопковому полю и тюбетейкам, дело происходило где-то в Азии. Там-то, на фотографии,

которую я с таким трудом разобрал, я узнал моего художника. Совсем юный, вчерашний школьник – но с той же обезоруживающей улыбкой, с тем же тревожным взглядом – и уже тогда игравший лицом две роли. Откуда он взялся? Наверное, кто-то из одноклассников, кто стоял в кузове, вывесил в Интернете, а я случайно наткнулся и запомнил. А он даже не знал об этом, наверное.

Рядом с художником стояла невысокая девушка. Белые шорты плохо скрывали ее полные короткие ноги. Художник обнимал ее сдержанно, как бывает, если между молодыми людьми только-только появились отношения. Она придерживала панаму так, что тень закрывала лицо. Но что-то неуловимо знакомое – в осанке, в наклоне головы – угадывалось в ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.